

Г. К. Гозалишвили считает каппадокийцами, в действительности были таковыми. Так, упомянутый Докиан был из Пафлагонии; Василий Куртикий, которого автор также считает малоазийцем-каппадокийцем (с. 122), согласно приводимому им же самим отрывку из сочинения Анны Комниной, «был родом из Адрианополя»¹⁹; Та-тикий, по словам той же Анны, «происходил от несвободных родителей. Его отец — сарацин — был взят в плен во время военного набега моим дедом со стороны отца — Иоанном Комнином»²⁰.

Одним из основных документов, доказывающих грузинское происхождение Комнинов, является близость Алексея Комнина с Григорием Бакурианидзе, близость, которая объясняется лишь тем, что оба они были грузинами (с. 132—133). Вновь союз двух могущественных византийских феодалов и вельмож, обусловленный исключительно политическими мотивами, объясняется этническим родством, конечно же, не играющим в данном случае никакой роли. Но мы хотели бы отметить одно обстоятельство. Г. К. Гозалишвили и в рецензируемой статье, и в другой работе, специально посвященной Григорию Бакурианидзе²¹, совершенно справедливо отстаивает грузинское происхождение последнего, однако он настолько увлекся желанием доказать грузинское происхождение Комнинов, что упускает из виду тот факт, что своей статьей целиком подрывает основы этого положения. Ведь если Комнины были грузинами, если их грузинское происхождение играло для них столь значительную роль, если отношения между Алексеем и Григорием основывались лишь на их этническом родстве, то дочь Алексея Анна не могла не знать точно, кем был по происхождению Бакурианидзе; она же, как известно, пишет, что он «происходил из знаменитого армянского рода»²². Как совместить эту, по мнению большинства ученых, ошибку Анны Комниной с ее грузинским происхождением? Вряд ли Г. К. Гозалишвили сможет ответить на этот вопрос.

Нам кажется, что все изложенное с достаточной очевидностью показывает, насколько несостоятельными оказались все аргументы и рассуждения Г. К. Гозалишвили, на каком не соответствующем требованиям науки методологическом уровне находится рецензируемая статья. Грузинский народ внес достаточный вклад в сокровищницу мировой культуры, значительна и роль различных деятелей-грузин в истории той же Византийской империи. Поэтому совершенно излишне объявлять грузинами тех, кто не имеет к ним никакого отношения. Такой ложно-патриотический подход к историческим фактам наносит лишь ущерб авторитету и престижу грузинской науки²³.

Н. Ю. Ломоури, Г. И. Гудушаури

Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976, 186 с. + XI табл. и илл.

Рецензируемая книга вышла в свет, когда ее автора уже не было в живых. 10 декабря 1972 г. скончался крупнейший венгерский византист, филолог-классик, источниковед и лингвист академик Дюла Моравчик. В творчестве Д. Моравчика соединялись широта научных интересов и стремление к досконально тонкому изучению источника. В не так давно изданном сборнике¹, включившем его статьи за 1926—1965 гг., фигурируют как собственно византиноведческие сюжеты, так и работы, касающиеся позднеантичной истории (свидетельства и легенды об Аттиле, страницы истории овогуров), судеб античного литературного наследия в Византии («Византий-

¹⁹ *Anne Comnene*, V, 5.

²⁰ *Ibid.*, IV, 4.

²¹ *Гозалишвили Г. К.* Григорий Бакурианидзе. — Мнатоби, 1970, № 2 (на груз. яз.).

²² *Anne Comnene*, I, 4.

²³ Мы не имеем возможности коснуться вопроса об этническом составе населения Каппадокии и вообще Малой Азии и показать всю необоснованность «теории» Г. К. Гозалишвили о том, что основным населением Каппадокии были грузинские племена и что «каппадокиец» и «грузин» (месх, чан) являются фактически синонимами. Этот вопрос требует специального разбора.

¹ *Moravcsik Gy. Studia byzantina*. Budapestini, 1967.

ский Харон», «Судьба Сафо в Византии»). В специальной статье «Византиноведение и эллинистика» рассматриваются основы византистики, ее связь с классической филологией и новогреческими исследованиями. Для Д. Моравчика характерно представление о византиноведении как составной части эллинистики. Главные же труды ученого посвящены международным связям Византии, ее месту в истории средневековых государств (особенно Венгрии), взаимоотношениям ее с «варварским» миром². Наконец Д. Моравчик — автор ряда книг и статей по методическим вопросам истории и филологии, о пути их развития, достижениях и задачах³. «Введение в византиноведение» представляет собой немецкий перевод (осуществленный Гезой Энглом) венгерского оригинала⁴.

Появление рецензируемой книги не было неожиданностью. Крупнейший вклад Д. Моравчика в науку — конечно, «Byzantinoturcica» — двухтомный свод материалов византийских источников по истории тюркских народов⁵. Но не погрешим против истины, если скажем, что вводные части первого тома работы имеют не меньшее, чем основные разделы, значение для обобщения результатов изучения этнической структуры Византии, политических взаимоотношений империи с соседями. Важная составная часть этого труда — очерк развития византистики, определение методики источниковедческих исследований, характеристика большинства имеющихся в нашем распоряжении источников. Изложенные в «Byzantinoturcica» в сжатой, тезисной форме, эти наблюдения обобщены и развиты в рассматриваемой ныне книге.

Тематически «Введение в византиноведение» можно разделить на три связанных между собой сюжета: история византиноведения и его основополагающие дисциплины (главы «Значение понятия «византиноведение», «История византиноведческих исследований», «Язык», «Письмо», «Источники»), основные области изучения Византии («Этнический состав», «Общество и хозяйство», «Государственная организация», «История византийского государства», «Культура», «Византийское наследие»), а также задачи дальнейших изысканий и научной деятельности византистов (формулируются в соответствующих отдельных главах). Авторская задача состоит в показе многообразия форм византийской действительности и соответственно обилия задач и путей исследования. Таким образом, история византийской цивилизации и направления ее изучения предстают как бы развивающимися вширь, охватывая массу периферийных и смежных областей (и в самой византийской культуре, и в науке).

Несмотря на вводный, очерковый характер труда в целом, а также самодовлеющий интерес каждого из разделов и немалый круг в них самостоятельных проблем, книга Д. Моравчика отмечена последовательным проведением по ходу изложения двух четко улавливаемых идей. Первая идея заключается в глубинной генетической и фактической связи Византии с античностью и — параллельно — византистики с антиковедением. Вторая — в представлении о существенной роли в жизни Византии внешних факторов — «варварских» вторжений, контактов с соседними народами и государствами, сохранения после турецкого завоевания Византии ее культурных традиций странами окраины «ойкумены», ставшими наследниками блестящего византийского прошлого; тем самым выдвигается идея о широком значении византиноведения для изучения национальных историй славянских стран, Кавказа, Руси и Причерноморья, Италии, народов Востока и т. д. Обе идеи, непосредственно связанные с научными интересами автора книги, и определили спектр затрагиваемых сюжетов и угол их рассмотрения.

² *Moravcsik Gy. Buzánc és a magyarság. Budapest, 1953 (Byzantium and the Magyars, Budapest, 1970); idem. Ungarisch-byzantinische Beziehungen zum Zeit des Falles von Byzanz. — AAASH, 2, 1954; idem. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Budapest, 1956.*

³ *Moravcsik Gy. Stand und Aufgaben des klassischen Philologie in Ungarn. Berlin, 1955; idem. Dix années de philologie classique hongroise (1945—1954). — AAASH, 3, 1955.*

⁴ *Moravcsik Gy. Bevezetés a byzantinológiába. Budapest, 1966.*

⁵ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Turkvölker. Bd. II, Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958.*

Д. Моравчик характеризует византиноведение (он подчеркивает необходимость употребления этого термина, отказавшись от понятия «византология») как комплексную дисциплину, изучающую государство, культуру, всю «историю существования» (Lebensgeschichte) Византии. «Синтетический» характер византистики обусловлен и ее опорой на большой ряд вспомогательных наук — географию, этнографию, фольклористику, лингвистику, палеографию, эпиграфику, нумизматику, историю государства, права, культуры, литературы, искусства и т. д. Подчеркивается связь византиноведения со смежными областями знания — эллинистикой, востоковедением, славистикой и особенно — классической филологией, историей античного мира, древнегреческого и римского права. Последнее обстоятельство обуславливается как «языковым и культурным континуитетом» (с. 16) античности в Византии, так и историей возникновения и развития византистики, «выросшей» из классической филологии.

Начало византиноведческих штудий Д. Моравчик предлагает искать в самом же средневековье — в переписке византийскими копиистами сочинений античных и византийских (без разграничения!) авторов. Важным вкладом в исследование византийских источников признаются описания — аннотации книг, сделанные Фотием, Константином Кефалой («Палатинская антология»), Константином Порфирородным, сохраненные в «Суде» и других византийских лексиконах. Новым шагом византистики является собирание рукописных коллекций и источниковедческие изыскания гуманистов — греческих (Виссарион, Иоанн Ласкарис, Антоний Эпарх) и итальянских. Отмечается деятельность в Западной Европе греческих учителей XIV—XV вв., издателей и переводчиков с греческого. В книге названы работы европейских ученых XVI—XIX вв. во Франции, Германии, Нидерландах, указаны основные публикации источников, отмечена связь развития византиноведения с событиями современной политической и культурной жизни европейских стран, влияние философских и общеисторических идей на византистику (понятие «византизма» в немецкой философии и французской публицистике, концепции исторического развития Византии у Лебо и Гиббона).

С именем эллиниста К. Крумбахера (1854—1909) связан новый этап истории византиноведческих исследований: византистика выделилась из общего русла классической филологии и оформилась в самостоятельное научное направление. В конце XIX в. заложены научно-методические и организационные основы современного византиноведения. В подробном перечислении основных достижений науки нашего столетия подчеркнута важная роль русских исследователей, прежде всего — В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова, Ю. А. Кулаковского, Б. А. Панченко, В. Н. Бенешевича и др., а затем советской школы византистов (с. 30—36). Отмечается особое значение византистики для Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии, Италии, где она явилась основой изучения национальных историй.

Общую характеристику византиноведения как комплексной науки дополняют главы, посвященные изучению языка, письма и источников. Автором дается сводная характеристика греческого языкового развития начиная со времени Александра Македонского. Специально рассматриваются фонетические и грамматические особенности эллинистического койне, ставшего, по мнению исследователя, основой «общевизантийского языка» (с. 65). Справедливости ради следует сказать, что основная масса обсуждаемых в работе языковых явлений (вплоть до языка Нового завета) относится к позднеантичному периоду. Что же касается собственно византийской эпохи, то автор указывает заимствования в среднегреческом из латыни (λεγεών, μίλιον, καμίσιον, σπίτι), романских (κάλτσα, μπάρμπας, ντάμα, παρτούν), славянских (γούνα, βλάτος), тюркских (παζάρι, αράφης) языков, употребление варваризмов византийскими писателями, передачу в транслитерации иноязычных слов. Кратко рассматриваются проблемы диглоссии и аттицизма. Иллюстрацией к сказанному служат приведенные в книге отрывки из Прокопия и Малалы (VI в.), Феофилакта Симокатты (VII в.), Феофана (IX в.), Анны Комниной, Феодора Продрома и Иоанна Цеца (XII в.), Морейской хроники (XIV в.), Зотика Параспондила и Лаоника Халкокондила (XV в.).

Средневековое греческое письмо рассматривается как продолжение развития античной письменности. Помимо сведений о писчем материале, инструментах, расположении текста на листе, приводятся данные об эволюции форм рукописного письма, воспроизводятся основные виды унциальных и минускульных букв, лигатур и сокра-

щений, встречаемые в византийских манускриптах, а в конце книги помещены фотографии фрагментов 10 греческих кодексов с VIII/IX по XVI вв. и печатного издания начала XVIII в.

В плане континуитета античной культуры в Византии дается и характеристика византийских источников — исторических и литературных произведений, риторики и эпистолографии, актов, памятников эпитафии, нумизматики и сигиллографии. Автор говорит о прямой линии, идущей от греческой культуры Афин V в. до н. э. через Александрию и другие центры эллинизма к средоточию византийской культуры, в Константинополь. Античные и эллинистические традиции признаются фактором, определившим высокий уровень византийской исторической литературы, ее богатство (с. 101). Рассматриваемые по отдельным видам и жанрам византийские письменные памятники оцениваются по степени их важности в качестве исторического источника, в частности, для народов и государств «варварского» мира. Одновременно указывается на необходимость изучения византистами коптских, сирийских, армянских, грузинских, арабских, персидских, славянских и латинских источников. Из затрагиваемых текстологических проблем византиноведения наиболее подробно говорится об архаизации этнической номенклатуры в памятниках, стереотипах этно-географических описаний, сложности просопографических идентификаций.

Важное место, отводимое Д. Моравчиком этническим проблемам, подчеркивается помещением почти в самом начале книги главы об этническом составе Византии. С этого вопроса начинается фактически рассмотрение основных сторон изучаемой цивилизации. Вслед за А. Гейзенбергом и Г. А. Острогорским автор определяет византийский феномен как «христианизированное римское государство греков» (с. 10) или «римский государственный организм, греческую культуру и христианскую веру» (с. 11). Корнями процесс этнического развития Византии уходит в империю Александра Македонского, затем Римскую державу. В книге уделено большое место описанию в свете византийских источников «варварских» народов — владов, гуннов, готов, славян, тюркских кочевников, кавказцев, а также выходцев из западноевропейских стран, — обусловливавших многоликость этнической ситуации государства ромеев.

В специальной, правда, маленькой главе затрагивается вопрос о византийском обществе и экономике. Основное внимание сосредоточено на ранневизантийском периоде — говорится о рабах, эволюции колоната. Применительно к более позднему времени ставится проблема иностранной торговли, перечисляются категории господствующего класса, упоминается об организации ремесленного производства, о проявлениях классовой борьбы.

Рассмотрение *Lebensgeschichte* Византии (чему посвящен особый раздел) сводится к описанию сменяющих друг друга на протяжении более чем тысячелетия — с начала IV по середину XV в. — варварских вторжений в пределы империи и изменений в связи с этим границ государства. Попутно сообщается и о внутриполитических событиях того или иного времени — борьбе цирковых партий при Юстиниане или иконоборческом движении.

В главе о государственной организации Византии в основном речь идет о взаимоотношении вассалов с различными категориями чиновников и сословных групп населения (синклитом, церковью, пронариями, служилой аристократией). Специально здесь же выделен сюжет о государственных дипломатических отношениях Византии с внешним миром. В заключение характеризуется административно-территориальное и церковное деление государства, указываются основные пути сообщения.

Оценивая византийскую культуру, Д. Моравчик возражает против представления о неизменности, неподвижности, отсутствии развития ее содержания и форм во времени. Высокий уровень образованности определило не только античное наследие, но и функционирование университета, патриаршей школы, других учебных заведений византийской столицы. Обращаясь же к содержанию литературного и художественного творчества, исследователь считает возможным выделить два противоборствующих направления — официально-аристократическое и народно-демократическое. Основное внимание уделено античным реминисценциям в византийской словесности, а также влияниям на нее восточной и западноевропейских литератур. Автор пытается дать представление о многосторонности эстетического воздействия памятников ви-

зантийского искусства, рассчитанного как на непосредственное зрительное или слуховое восприятие, так и на воссоздание определенных ассоциаций религиозного, этического или философского характера через символику изображения, цитаты, образную стереотипность. Вместе с тем важной эстетической и художественно-творческой посылкой считаются декларации византийских авторов «ничего нового», их концепция итеративности высказываемых идей, демонстративный отказ от активной созидательной позиции (с. 169). Д. Моравчик считает невозможным применять к отдельным периодам византийской культуры категорию «возрождение» («Македонское возрождение» IX в., «Комниновское возрождение» XII в., «Палеологовское возрождение» XIII—XIV вв.) на том основании, что, по мнению автора, обращение к античности — важнейшая черта Ренессанса — было формальным, ибо распространению духовного наследия языческой древности препятствовала христианская ортодоксия мировосприятия византийцев (с. 171).

Главным значением византийской цивилизации, по Д. Моравчику, является влияние культуры Византии на развитие народов и государств окрестного мира — от кавказцев и арабов до венгров и германцев. При этом важнейшим вкладом Византии в мировую историю признается сохранение для новых поколений античного наследия.

Наконец, в большинстве разделов книги не только излагаются имеющиеся научные представления о различных сферах византийской жизни, но и ставятся задачи дальнейших изысканий. Отмечается недостаточная изученность закономерностей языкового развития среднегреческого, необходимость новых изданий неопубликованных и не изданных критически памятников, составления сводных каталогов рукописей, технического совершенствования специалистов в установлении подлинности текстов, их датировок, важность выявления и классификации античных цитат и аллюзий в византийских литературных сочинениях. Существенной задачей византистики признается и создание истории византийской литературы, исследуемой как творческий художественный процесс на основе выработанных собственно эстетических критериев ее оценки.

Если оценивать значение подхода Д. Моравчика к Византии как к непосредственному продолжению античной цивилизации, то следует признать, что такой аспект изучения сам по себе не нов. Не случайно, видимо, поэтому в книге и анализ экономической, социальной и политической жизни построен традиционно. Но в главах, посвященных духовной культуре, автор отходит от укоренившихся когда-то предубеждений против якобы косности, формализма, трафаретности византийских художественных образов. В целом же рассмотрение византийской истории в плане античного континуитета позволяет наметить большую перспективу поступательного исторического развития восточносредиземноморского региона от глубокой древности до нового времени.

Актуализации интереса к средневековой греческой культуре для других народов и государств Европы может послужить и взгляд Д. Моравчика на Византию как бы «извне» — с акцентом на непосредственное проникновение в Византию «варварских» элементов. Это помогает осветить внешнеполитические, международные торговые, культурные отношения стран и народов той эпохи в взаимной связи. Вместе с тем в подобной ситуации теряется суть собственно византийского феномена, ибо внутренние социально-политические процессы государства ромеев объясняются фактически внешними влияниями и вторжениями иноземцев.

Основой настоящего «Введения в византиноведение» послужил оригинал, вышедший более 10 лет назад. И это не могло не сказаться на книге. Дело совсем не в отсутствии указаний на ряд крупных исследований последнего десятилетия по основным рассматриваемым проблемам. За этот период, можно сказать, изменился взгляд на византийскую культуру (и науку о ней) в целом. Существенной стороной его является представление о византийской цивилизации во всех ее проявлениях материально-экономической, политической, правовой, духовной, эстетической сфер не просто как о совокупности изолированно описываемых и классифицируемых факторов, но как о системе взаимодействующих элементов. Именно с разработкой такого рода подхода и связываются в настоящее время главные задачи византистики⁶.

⁶ Beck H.-G. Byzantinistik heute. Berlin — New York, 1977, S. 9.

Книга Д. Моравчика, будучи введением в византиноведение, является вместе с тем своеобразным итогом большого и плодотворного пути как автора работы, так и целого поколения византинистов, отражающим результаты их научных достижений.

М. В. Бибиков

F. Tinnefeld. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur—Gegensätze — Spannungen. München, 1977, 396 S., Karte.

В последнее время в византистике определился интерес к изучению социальной структуры переходного — от античности к средневековью — периода в истории Восточноримского государства: вышла монография П. Яннопулоса, посвященная светскому византийскому обществу VII—IX вв.¹; проблема экономической и социальной бедности в Византии V—VII вв. — тема недавно появившегося труда Э. Патлажан². Но если в этих работах сюжеты тематически ограничены, то книга немецкого византиста Франца Тиннефельда «Ранневизантийское общество» претендует на известное обобщение современных знаний о позднеримском обществе переходного периода. В подзаголовок монографии вынесены кардинальные задачи исследования: «Структура — противоречия — конфликты».

Хронологические рамки работы (сама проблема представляется автору относительно простой — см. с. 9) — от времени превращения Константинополя в столицу Восточной империи (324—330) до правления императора Фоки (602—610), т. е. исследование обрывается на начале царствования новой династии — династии Ираклия.

Анализируя состояние ранневизантийского общества IV — начала VII в., автор сразу исключает из поля зрения западную часть Римской империи. Исследователю представляется возможным рассмотреть римский Восток как нечто целое.

В качестве основных источников для своего социологического исследования Ф. Тиннефельд привлекает юридические памятники, преимущество которых он считает их фактическую конкретность и формальную «надежность» (точность дат и т. п.). Однако методика анализа этих типов памятников строится с учетом того, что законодательные акты повествуют не столько о реальном положении дел, сколько о том, что и как должно быть; отмечается и избирательность социальных явлений, отражаемых в документах, неадекватность юридического языка прошлого современным критериям строгости формулировок, подчас географическая неопределенность применения фиксируемых в том или ином законе мер, неизвестность степени их воплощения в жизнь. Вместе с тем исследователь стремится не столько представить ранневизантийские социальные категории в их юридическом облике, сколько определить реальные взаимоотношения власти и силы различных групп и слоев изучаемого общества. В соответствии с этим исторические сочинения, хроники, жития, археологические памятники кажутся автору в меньшей степени отвечающими поставленной цели.

Исследование структуры византийского общества IV—начала VII в. имеет два аспекта — анализ социальной стратификации и социальной динамики. Во-первых, предлагается классификация различных групп, слоев сельского и городского общества. Во-вторых, автор стремится не столько дать статическую картину основных социальных категорий, сколько проследить отношения, связи, столкновения выделенных групп в их основных, вернее — наиболее явных, противоречиях.

Позднеримское общество рассматривается автором как аграрное, где основным доход давало сельское хозяйство. Поэтому основным социальным противоречием представляется противоречие между землевладельцами и непосредственными производителями. Правда, отмечает исследователь, отношения зависимости были сложнее, чем дихотомическая схема, градация отношений допускала совмещение в одном лице

¹ Yannopoulos P. A. La société profane dans l'empire byzantine des VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain, 1975.

² Patlagean E. La pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance au IVe—VIIe siècles. Paris, 1977.